
ЭВОЛЮЦИЯ ЖИЗНИ В ПРОЗРЕНИЯХ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Владимир Набоков (1899–1977)

* * *

День за днем, цветущий и летучий,
мчится в ночь, и вот уже мертво
царство исполинское, дремучий
папоротник счастья моего

Но хранится под землей беспечной,
в сердце сокровенного пласта,
отпечаток веерный и вечный,
призрак стрекозы, узор листа.

24 января 1924¹

Осип Мандельштам (1891–1938)

Ламарк

Был старик, застенчивый как мальчик,
Неуклюжий, робкий патриарх...
Кто за честь природы фехтовальщик?
Ну конечно, пламенный Ламарк!

Если все живое лишь помарка
За короткий выморочный день,
На подвижной лестнице Ламарка
Я займу последнюю ступень.

К кольцецам спущусь и к усоногим,
Прошуршав средь ящериц и змей,
По упругим сходням, по излогах,
Сокращусь, исчезну как Протей.

Роговую мантию надену,
От горячей крови откажусь,
Обрасту присосками и в пену
Океана завитком вопьюсь.

Мы прошли разряды насекомых,
С наливными рюмочками глаз.
Он сказал: природа вся в разломах,
Зренья нет – ты зришь последний раз.

Он сказал: довольно полнозвучья, –
Ты напрасно Моцарта любил:
Наступает глухота паучья,
Здесь провал сильнее наших сил.

И от нас природа отступила –
Так, как будто мы ей не нужны,
И продольный мозг она вложила,
Словно шпагу, в темные ножны.

И подъемный мост она забыла,
Опоздала опустить для тех,
У кого зеленая могила,
Красное дыханье, гибкий смех...

7–9 мая 1932²

Из «Восьмистиший»

V

Преодолев затверженность природы,
Голуботвердый глаз проник в ее закон,
В земной коре юродствуют породы,
И как руда из груди рвется стон.
И тянется глухой недоразвиток,
Как бы дорогой, согнутою в рог, –
Понять пространства внутренний избыток
И лепестка и купола залог.

Январь 1934, Москва

VII

И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьем гаме,
И Гете, свищущий на вьющейся тропе,
И Гамлет, мысливший пугливыми шагами,
Считали пульс толпы и верили толпе.
Быть может, прежде губ уже родился шепот
И в бездревесности кружились листья,
И те, кому мы посвящаем опыт,
До опыта приобрели черты.

Январь 1934, Москва

VIII

И клена зубчатая лапа
Купается в круглых углах,
И можно из бабочек крапа
Рисунки слагать на стенах.
Бывают мечети живые,
И я догадался сейчас:
Быть может, мы – Айя-София
С бесчисленным множеством глаз.

Ноябрь 1933 – январь 1934, Москва

---

¹ Набоков В. Избранное: Стихотворения. – М.: ЭКСМО, 2004. – С. 104.

---

² Мандельштам О.Э. Собр. соч. в 4-х т. Т. 1. Стихотворения. – М.: Терра, 1991. – С. 177, 178.

Х

В игольчатых, чумных бокалах,
Мы пьем наваждение причин,
Касаемся крючками малых,
Как легкая смерть, величин.
И там, где сцепились бирюльки,
Ребенок молчанье хранит –
Большая вселенная в люльке
У маленькой вечности спит.

Ноябрь 1933, Москва

ХІ

Я выхожу из пространства
В запущенный сад величин,
И мнимое рву постоянство
И самосознание причин.
И твой, бесконечность, учебник
Читаю один, без людей –
Безлиственный, дикий лечебник, –
Задачник огромных корней.

*Ноябрь 1933, Москва*³

Борис Кузин (1903–1973)⁴

*Du temps que la Nature en sa verve puissante
Concevait chaque jour des enfants monstrueux...*
Baudelaire⁵

Как я люблю кристаллы ледяные
В морозный полдень на моем окне.
И клинопись напоминает мне
Иную жизнь и письма иные. –
Я вижу мезозойские леса
И странных тварей слышу голоса
В тот час, когда скрывается на отдых
Большое солнце в перегретых водах
И в раскаленных тысячах частиц
Песка отражено его сиянье...
Но затихает к вечеру порханье
В густых ветвях тяжелых первоптиц,
И папоротники, и кисти хвой,

³ *Мандельштам О.Э.* Собр. соч. в 4-х т. Т. 1. Стихотворения. – М.: Терра, 1991. – С. 199–202.

⁴ Борис Сергеевич Кузин – известный русский энтомолог, эволюционист, теоретик биологии, друг О.Э. Мандельштама. По признанию последнего, «лично-стью его пропитана и моя новенькая проза, и весь последний период моей работы. Ему и только ему я обязан тем, что внес в литературу период так называемого «зрелого Мандельштама» (Письмо к М.С. Шагинян от 5 апреля 1933 г.).

⁵ В оны дни, как Природа в капризности дум / Каждый день зачинала чудовищность мощных пород... *Пер. с фр. К.Бальмонта.* Из стихотворения Ш.Бодлера «Великанша» (Géante) из сборника стихов «Цветы зла».

Хвощей стволы и пальм резные ваи
Качаются, покой лелея свой
И сны без сновидений навеяв.
О век роскошной зрелости земной,
Как дивно ты встаешь передо мной!
Но уж тогда, заморыш и калека
Средь гордых гадов, – предок человека,
В расщелинах могучих скал таясь,
Со сладким злом спознался в первый раз.

*Ноябрь 1942*⁶

Александр Чижевский (1897–1964)⁷

Растения

Какой порыв неукротимый
Из праха вас подымлет ввысь?
Какой предел неодолимый
Преодолеть вы задались?

В пустынях экваториальных,
В полярных стужах и снегах,
Сквозь пыток строй первоначальных,
Одoleваете вы прах.

Кому здесь не дано покоя,
А лишь волнение дано, –
Тот знает истину: живое
Затем чтоб мыслить, рождено.

И в шепоте листов неясном
Тому слышна живая речь,
Кто в мире злобном и пристрастном
Сумел свой слух предостеречь.

О, этот слух мы возлелеем,
Чтоб ваш ответ дошел живым:
«Мы чувствовать, страдать умеем,
Мы мыслить – сознать хотим!»

*1935, Москва, санаторий «Узкое»*⁸

Мир

Мерцает все – и потому мир страшен,
Он мечется, трепещет и течет

⁶ *Кузин Б.* Воспоминания. Произведения. Переписка. *Мандельштам Н.* 192 письма к Б.С. Кузину. – СПб.: Инапресс, 1999. – С. 349.

⁷ Александр Леонидович Чижевский – выдающийся русский ученый, основоположник гелиобиологии, аэроионификации, электрогемодинамики, художник, изобретатель, философ-космист, поэт, мемуарист.

⁸ *Чижевский А.Л.* Музыка тончайших светотеней. – М.: НексМедиа; ИД «Комсомольская правда», 2013. – С. 167.

И остовы остроконечных башен
Чертят и ковыряют небосвод.

В нем постоянства нет и никогда не будет:
Все переменчиво, и каждый миг
Он страждет, наслаждается и любит –
Одно мерцание, безумство, крик.

1942, Челябинск⁹

Мера жизни

Часами я сижу за препаратом
И наблюдаю жизни зарождение
Тревожно бьется под живым субстратом
Комочек мышц – о, вечное движение.

Движение жизнь. Сложнейший из вопросов.
Но все догадки – все, бесполезны.
Возникло где? Во глубине хаосов?
Пришло откуда? Из предвечной бездны?

Бессилен мозг перед деяньем скрытым:
Завеса пала до ее предела,
Здесь времена космические слиты
В единый фокус – клеточное тело.

Я тон усилил до органной мощи
Катодной схемой, – слышу ритмы струек:
Несуществующее, а уж ропщет!
Неявленное, а уж протестует!

Должно быть жизнь – заведомая пытка –
В зародыше предвидит истязанье:
В развертываньи жизненного свитка
Звучит по миру жгучее страданье.

Но страшны тоны сердца, и тревога
За бытие земное не случайна,
Да мера жизни – это мера Бога
И вечно недоступная нам тайна.

1943, Челябинск¹⁰

Противоборство

О, двойственная жизнь! В каком противоборстве
Существовать ты в тьме обречена:
Начала борются в сверхжизненном упорстве,
Исчерпывая муть познания до дна.

Взлелеянное днем, ты убиваешь ночью,
Цветение души ты превращаешь в смерть,
И сладострастие преобразуешь в корчи,
И беспредельности повелеваешь: мерь!

⁹ *Чижевский А.Л.* Музыка тончайших светотеней. – М.: НексМедиа; ИД «Комсомольская правда», 2013. – С. 185.

¹⁰ Там же. С. 202.

О, как ты рада всем великим несогласьям,
Несовместимости, разладу и вражде.
Мучительно ты отдаешь себя во власть им
И двойственность творишь во все часы, везде!

И мы грядем в ночи в тисках противоречий
Единство жадно ждем еще надежд полны.
Увы, безумны мы. Двоится света встреча:
Восходят в небесах две ложные луны.

1943, Челябинск¹¹

Метаморфоз

Из тлена – из Земли поднимают запах розы,
Левкой и ландыши – тончайший аромат.
Нерукотворные, священные наркозы,
Блаженных перемен необратимый ряд.

Из праха свой нектар ткут винограда лозы,
Миндаль и финики, лимоны и гранат...
Тайноутробные текут метаморфозы: –
Мир в поисках! Мир творчеством объят!

О, сердце бедное, из смерти, зла и праха,
Из смертоносных язв, сверхжизненных скорбей,
Слез окровавленных, терзающего страха,
Ты, всепобедное, в борьбе земной своей, –

Точишь чистейший сок добра, благоволения,
Величия души, любви и песнопенья.

1943, Челябинск¹²

Михаил Зенкевич (1886–1973)¹³

Из сборника «Дикая порфира» (1912)¹⁴

Гимны материи

Ты дико сумрачна и косна,
Хоть окрылил тебя Господь, –
Но как ярка, как кровеносна
Твоя железистая плоть!

¹¹ *Чижевский А.Л.* Музыка тончайших светотеней. – М.: НексМедиа; ИД «Комсомольская правда», 2013. – С. 205.

¹² Там же. С. 212.

¹³ *Михаил Александрович Зенкевич* – русский поэт-акмеист, переводчик, ученик Н.С. Гумилева; изучал философию в университетах Берлина и Йены, окончил юридический факультет Петербургского университета. После революции и гражданской войны работал в различных советских изданиях, опубликовал несколько книг. Единственный русский поэт Серебряного века, в творчестве которого нашла отражение т.н. «научная поэзия», созданная французом Рене Гилем.

¹⁴ *Зенкевич М.* Сказочная эра: Стихотворения. Повесть. Беллетристические мемуары. – М.: ШКОЛА-ПРЕСС, 1994. – С. 47, 52–55.

И в таинствах земных религий
Миражем кровавых паров
Маячат вихревые сдвиги
Твоих кочующих миров.

И грузно гнутся коромысла
Твоих весов, чтоб челюсть пил
В алмазные опилки сгрызла
Все, что твой горн не растопил.

В осях, в орбитах тверды скрепы –
Пласты огня их не свихнут,
И необузданный, свирепый
Стихийно-мудр твой самосуд.

И я молюсь, чтоб ток багряный,
Твой ток целебный не иссяк
И чтоб в калильные туманы
Тобой сгущался мертвый мрак!

* * *

Всему – весы, число и мера,
И бег спиралью всему,
И растекается во тьму
За пламенной сферой сфера.

Твой лик в душе – как в меди – выбит,
И пусть твой ток сметет ее
И солнце в алой пене вздыбит –
Но царство взвешено твое!

В длину растянется орбита,
И кругом изогнется ось,
Чтоб пламя вольно и открыто
По всем эфирам разлилось.

Струить металл не будет время,
Пространство перестанет течь,
И уж не сможет в блюде семя
Прах мертвый тайнами облечь.

И выход рабьему бессилью
Из марев двух магнитных смен –
Раскинет радужною пылью
Вселенная свой легкий тлен.

Свершение

И он настанет час свершения,
И за луною в свой черед
Круг ежегодного вращения
Земля усталая замкнет.

И, обнаживши серебристые
Породы в глубях спящих руд,
От полюсов громады льдистые
К остывшим тропикам сползут.

И вот весной уже не зелены –
В парче змеящихся лавин –

В ночи безмолвствуют расщелины
Волнообразных котловин.

Лишь кое-где между уступами.
Вскормленные лучом луны,
Мхи, лишай, как плесень, струпами
Вскарабкалась на валуны.

А на полдневном полушарии,
Где сохнут, трескаясь, пласты,
Спят кактусы, араукарии,
Раскрыв мясистые цветы.

Да над иссякнущими руслами –
Не нужный никому металл –
В камнях кусками заскоружлыми
Сверкает золото среди скал.

Да меж гранитными обломками,
Где прилепились слизняки,
Шевелят щупальцами алыми
Оранжевые пауки.

И греясь спинами атласными
И сонно пожирая слизь,
Они одни глазами красными
В светило желтое впились.

1909

Темное родство

О темное, утробное родство,
Зачем ползешь чудовищным последом
За светлым духом, чтоб разумным бредом
Вновь ожило все, что в пластах мертво?

Земной коры первичные потуги,
Зачавшие божественный наш род,
И пузыри, и жаберные дуги –
Все в густке крови отразил урод.

И вновь, прорезав плотные туманы,
На теплые архейские моря,
Где отбивают тяжкий пульс вулканы,
Льет бледный свет пустынная заря.

И, размножая легких инфузорий,
Выращивая изумрудный сад,
Все радостней и золотистой зори
Из облачного пурпура сквозят.

И солнце парит топь в полдневном жаре,
И в зарослях хвощей из затхлои мглы
Возносятся гигантских сигиллярий
Упругие и рыхлые стволы.

Косматые – с загнутыми клыками –
Пасутся мамонты у мощных рек,

И в сумраке пещер под ледниками
Кремень тяжелый точит человек...

О предки дикие, как жутко-крепок
Союз наш кровный. Воли нет моей,
И я с душой мятущейся – лишь слепок
Давно прошедших, сумрачных теней.

И, им подвластный, солнечный рассудок,
Сгустив в мозгу кровавые пары, –
Как каннибалов пляшущий желудок,
Ликуя правит темные пиры.

1911

Ящеры

О ящеры-гиганты, не бесследно
Вы – детища подводной темноты –
По отмелям, сверкая кожей медной,
Проволокли громоздкие хвосты!

Истлело семя, скрытое в скорлупы
Чудовищных, таинственных яиц, –
Набальзамированы ваши трупы
Под жирным илом царственных гробниц.

И ваших тел мне святы превращения:
Они меня на гребень вознесли,
И мне владеть, как первенцу творенья,
Просторами и силами земли.

Я зверь, лишенный и когтей и шерсти,
Но радугой разумною проник
В мой рыхлый мозг сквозь студень двух отверстий
Пурпурных солнц тяжеловесный сдвиг.

А все затем, чтоб пламенем священным
Я просветил свой древний, темный дух
И на костре пред Богом сокровенным,
Как царь последний, радостно потух;

Чтоб пред Его всегда багряным тронем,
Как теплый пар, легко поднявшись ввысь,
Подобно раскаленным электронам,
Мои частицы в золоте неслись.

1911

Махайродусы

Корнями двух клыков и челюстей громадных
Оттиснув жидкий мозг в глубь плоской головы,
О махайродусы, владели сушей вы
В третичные века гигантских травоядных.

И толстокожие – средь пастбищ непролазных,
Удабривая соль для молочайных трав,
Стада и табуны ублютков безобразных,
Как ваш убойный скот, тучнели для облав.

Близ лога вашего, где в сумрачной пещере
Желудок страшный ваш свой красный груз варил,

С тяжелым шлепаньем свирепый динотерий
От зуда и жары не лез валяться в ил.

И, видя, что каймой лилово-серых ливней
Затянут огненный вечерний горизонт,
Подняв двупарные раскидистые бивни,
Так жалобно ревел отставший мастодонт.

Гудел и гнулся грунт под тушею бегущей,
И в свалке дележа, как зубья пил, клыки,
Хрустя и хлюпя в кроваво-жирной гуще,
Сгрызали с ребрами хрящи и позвонки.

И ветром и дождем разрытые долины
Давно иссякших рек, как мавзолеей, хранят
Под прессами пластов в осадках красной глины
Костей обглоданных и выщербленных склад.

Земля-владычица! И я твой отпрыск тощий,
И мне назначила ты царственный удел,
Чтоб в глубине твоей сокрытой древней мощи
Огонь немеркнувший металлами гудел.

Не порывай со мной, как мать, кровавых уз,
Дай в танце бешеном твоей орбитой цепи
И крови красный гул и мозга жирный груз
Сложить к подножию твоих великолепий.

1911

Человек

К светилам в безрассудной вере
Все мнишь ты богом возойти,
Забыв, что темным нюхом звери
Провидят светлые пути.

И мудр слизняк, в спираль согнутый,
Остры без век глаза гадуок,
И в круг серебряный замкнутый,
Как много тайн плетет паук!

И разлагают свет растения,
И чует сумрак червь в норе...
А ты – лишь силой тяготенья
Привязан к стынувшей коре.

Но бойся дня слепого гнева:
Природа первенца сметет,
Как недоношенный из чрева
Кровавый безобразный плод.

И повелитель Вавилона,
По воле Бога одичав,
На кряжах выжженного склона
Питался соком горьких трав.

Стихии куй в каильном жаре,
Но духом, гордый царь, смиришь
И у последней склизкой твари
Прозренью темному учишь!